Русская поэзия

Последнее время в русской литературе проявляет себя широчайший спектр для откровенного разговора о проблемах нашего поэтического творчества. Есть основания поговорить о том, соответствуют ли слагаемые нынешними стихотворцами строки уровню «поэзии третьего тысячелетия» или же нет, что подталкивает нас к спорам о вреде и пользе равнения на западную литературу и помогает поэтам понять, чего им, собственно, не достаёт для победоносного прорыва к читательским душам и возвращения поэзии утраченного ныне ею звания «властительницы дум».

Поговорить здесь действительно есть о чём, тем паче что и ответы на многие актуальные для развития поэзии вопросы как бы уже намечены и даже частично проговорены в стихах самими создателями поэзии. К примеру, в таких, как следующие строки нижегородского поэта Валерия Шамшурина: **«Без Бога и любви в России пусто. / Не славой, а позором будут дни, / что низвели высокое искусство / до буффонад и пакостной мазни…»**

Чтобы не мучить читателя долгим вступлением, я сразу скажу, что основной бедой российской поэзии XXI века (а может быть, и её *виной* – не случайно же Евтушенко утверждал когда-то, что «поэт в России – больше, чем поэт») считаю её почти полную идеологическую выхолощенность, причём не какую-то там цензурную, что говорило бы о наличии у поэтов неких опасных для нынешнего режима крамольных мыслей, а, так сказать, доморощенную, свидетельствующую об отсутствии у большинства тех, кто занимается поэтическим творчеством, даже малейших признаков какой бы то ни было самостоятельной политической, философской, религиозной, мировоззренческой или хотя бы эстетической платформы. А ведь Лев Николаевич Толстой говорил, что **идеал – это путеводная звезда, ведущая за собой художника, а за ним – и адресата его творчества,** так за чем же идти сегодняшнему читателю, если наше современное искусство (включая и поэзию) напрочь лишено даже малейшего мерцания?..

К сожалению, всё это является прямым следствием того, что никакой всеобъемлющей общенациональной идеи нет сегодня и у самого нашего государства, о чём неоднократно говорил в своих последних интервью классик отечествен-

Николай ПЕРЕЯСЛОВ
г. Москва

НА ФОНЕ XXI ВЕКА

ной драматургии Виктор Розов. Такое положение не может не сказываться на состоянии художественного творчества во всех жанрах искусства, поскольку из-за отсутствия большой национальной идеи художникам просто нечего озвучивать и не с чем спорить. В годы советской власти, говорил в своём интервью Виктору Кожемяко Сергей Бондарчук, у государства «была **великая идея – преобразование общества на началах справедливости,** и художники в неё поверили. Для них это стало сильнейшим творческим стимулом…». А вот в идею капитализма, похоже, сегодня никто не поверил, поэтому за последние полтора десятилетия не появилось ни одного полюбившегося, как когда-то «Семнадцать мгновений весны», фильма, ни одного захватившего всю страну, как «Вечный зов» Иванова, романа и ни одной подхваченной всем народом, как «День Победы», песни. Даже мультиков типа «Ну, погоди!» или «Крокодила Гены» и то не появилось.

Таковы культурные реалии страны, не имеющей государственной идеологии. Не важно даже, какой – прогрессивной или реакционной. Важно, чтобы у страны была своя **собственная**, ясно осознаваемая всеми программа её бытия в истории – «американская мечта», «русская идея», «моральный кодекс строителя коммунизма» и тому подобные фишки. Тогда поэзия или совпадает с ней и воспевает её в одах и гимнах, или противоборствует ей и разражается обличениями и сатирой. **Государство же без общенациональной идеи – это фикция,** и поэты в нём задыхаются, точно рыбы во внезапно высохшем озере.

Самый невиданный в истории как нашей страны, так и всего человечества пример востребованности поэзии государством совпадает с периодом реализации в СССР самой грандиозной из всех когда-либо рождавшихся в мире идей – построения счастливого равноправного общества, вся полнота власти в котором принадлежит народу. *(Следует ведь признать, что поэзия – это многовековая привилегия элиты: Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Фет и подавляющее большинство других дореволюционных поэтов были отнюдь не крестьянами и не пролетариями и писали свои стихи по большей части для людей своего же круга. Кардинальный переворот произошёл после 1917 года, когда элитой был объявлен весь народ и поэзия стала достоянием многих миллионов – отсюда переполненные поклон-*

никами поэтического слова «Лужники» и хронический дефицит на художественную литературу в шестидесятые-семидесятые годы.)

Суперидея, положенная в основу создания Советского государства, была настолько нова и фантастична для XX века, что потребовала для своего внедрения в народные массы объявления всеобщей мобилизации всех мало-мальски пишущих и рифмующих граждан. Необходимость её озвучивания подтолкнула руководство страны к таким действиям, как партийный призыв трудящихся в литературу и создание опекаемого и поддерживаемого государством Союза писателей СССР, который – при всех наличествовавших в его деятельности негативных моментах – превратился в условиях политики тотального атеизма в подлинное **Министерство Духовности.**

Сегодня же, как сказал в одном из своих интервью драматург Виктор Розов (см. в книге В. Кожемяко «Лица века» – М.: ИТРК, 2002), в России происходит не что иное, как убийство русского духа. «Утратить дух, – как сказала однажды известная российская актриса Татьяна Доронина, – значит, утратить силу». И, пытаясь вышибить из нашей литературы остатки русского духа, Запад ослабляет нас не меньше, чем заставляя нас в первые послеперестроечные годы распиливать наши стратегические ракеты и атомные подводные лодки. Я как-то слышал от писателя Владимира Личутина такое выражение: «Подпусти в свою землю инородника, – сказал он, – и он рассыплет её». То же самое, на мой взгляд, можно сказать и в отношении нашего искусства, нашей литературы и поэзии: это ведь тоже **земля**, только – **духовная**, и подпусти в неё инородные тенденции – и они рассыплют её на ничего не значащие осколки «текстов», убив самобытное и целостное искусство. (Бродский попытался расширить зону поэтического земледелия, перенеся акцент творчества с идейной стороны слагаемых стихотворений на сам их синтаксис, и добился на этом поприще довольно заметного личного успеха, но он же этим самым сузил поле воздействия поэзии до незначительной кучки интеллектуалов, довольствующихся сугубо формальными экспериментами.)

Поэзия, не заключающая в себе мощи национального духа, – слаба и беспомощна, а кому и чем может помочь в нашем мире *слабый*? Вот отечественный читатель и отвернулся от не помогающих ему стихов. Увы, мы живём во времена, которые можно без всякой натяжки назвать меркантильными, ибо всё в них теперь измеряется понятиями «полезно» – «не полезно», «выгодно» – «не выгодно». В этом свете почти никакого значения не имеет чисто версификаторское трюкачество, которым балуются многие соблазнённые лёгким успехом либеральные поэты. Единственным оправданием кажущейся бессодержательности стихотворения может служить подлинная красота его формы, поскольку **красота – это способ проявления Бога в нашем мире**, и таким образом, как сказал однажды известный псковский критик Валентин Курбатов, даже не упоминающее имя Господа стихотворение может быть *глубоко православным.*

Да и вообще новизна поэтической формы – это не более как миф, ибо вся та революция в области рифм, ритмов и метафор, которую нам преподносили в своём творчестве Пастернак, Маяковский, Кручёных, Вознесенский, Вегин, Соснора и иже с ними, давным-давно уже опробована поэтами предшествующих эпох, начиная от Симеона Полоцкого, писавшего столь любезные сердцу Андрея Андреевича стихи-видеомы, и до украинских поэтов-новаторов начала XX века, предсказавших весь наш последующий модернизм. Да в стихах у одного только Иннокентия Анненского была заложена вся парадигма дальнейших формальных поисков! Так что всё уже неоднократно было, и одной только голой формой сегодня никого не тронешь, хотя сами по себе поиски её обновления и могут носить достаточно интересный характер.

Если проанализировать стихи самых любимых народом авторов, то станет видно, что главное из того, что люди всегда искали в поэзии, это:

а) необычность стихотворной формы, оригинальность стиля, яркость образов;

б) новый взгляд на ставший уже давно нам привычным мир, способность открывать и удивлять, необычность авторского взгляда на вещи;

в) созвучность содержания стихов мыслям читающего, близость мировоззрений читателя и автора;

г) узнаваемость воссоздаваемой поэтом реальности, боль за её несовершенство;

д) музыкальность и магия поэтической гармонии;

е) подсказки путей выхода из сложных душевных состояний, нравственная, духовная и эмоциональная подпитка;

ё) эхо Господних заповедей, напоминающее читателям о Боге и Его любви к человеку.

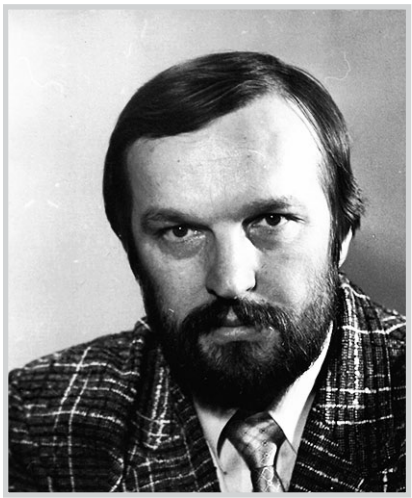
Зная всё это и зная сегодняшнюю поэзию, нельзя не задать самому себе один стучащийся в сознание вопрос: если всё это до сих пор имеется в стихах наших современных поэтов, то почему же тогда произошло столь заметное охлаждение к поэзии русских читателей? В чём всё-таки проявляется не замеченное нами изменение качества поэзии?..

Ответ на это напрашивается сам собою: **другим** стало качество не столько *поэзии,* сколько самого *народа*. А народом на текущий момент востребована от поэзии, главным образом, не столько её *ДУХОВНАЯ* сила, сколько *ПРАКТИЧЕСКАЯ* польза, способная оказать хотя бы какую-то сиюминутную выгоду людям в быту, а именно – тосты, поздравлялки, рекламные куплеты, тексты для эстрадных хитов и мюзиклов и так далее.

Перед сегодняшней поэзией наступившего XXI века, на мой взгляд, открываются два основных пути, способных возвратить нынешнему обществу её былую востребованность. Первый из них – это встать на путь обслуживания потребностей нового, всё отчетливее перерождающегося в полуамериканца-полуевропейца жителя России, предложив ему себя в качестве дополнения к необходимому набору товаров и услуг и войдя в его жизнь рекламными слоганами, политическими куплетами, юмористическими хохмами, праздничными поздравлениями и другими произведениями исключительно бытового назначения. Ну, а второй путь – значит, взять на себя роль народного духовника и водителя, вернуть нации потерянную идею и попытаться заставить страну поднять лицо от корыта с похлёбкой и вспомнить о наличии над головой Неба.

Первый путь сулит его апологетам некие прижизненные дивиденды и даёт поэзии возможность остаться в повседневном обращении народа, став чем-то вроде разменной монеты в области культуры. Второй – обещает ей длительные гонения и испытания, которые, возможно, приведут нас к концу XXI века к духовному расцвету страны и торжеству поэтического слова. А возможно, и не приведут. Но не случайно же ведь было сказано, что лучше один раз попить живой крови, чем сто лет питаться падалью…

При оформлении использованы картины И.С. Глазунова

□

Николай Владимирович ПЕРЕЯСЛОВ *родился в 1954 г.*
Окончил заочное отделение Литературного института им. А.М. Горького по жанру критики и литературоведения.
Автор пятнадцати книг стихов, прозы и критики, также множества публикаций в периодике.
Лауреат литературных премий им. А.П. Платонова, А.Н. Толстого и Большой литературной премии России.
Член редакционного совета журналов: «Всерусскій соборъ» (С.-Пб), «Донбасс» (Донецк), «Север» (Петрозаводск), альманаха «День поэзии», всеславянской газеты «Небесный Всадник» и других изданий.
Печатался в литературных журналах России, Украины, Беларуси, США, Германии, Болгарии, Китая и других стран.
Член Международной федерации журналистов, Международной ассоциации писателей и публицистов, Союза журналистов Москвы и Союза писателей России.
Секретарь правления Союза писателей России.
Живёт в Москве.